

**УКРАИНА И РОССИЯ:
ФАКТЫ И ТОЛКОВАНИЯ СОБЫТИЙ**
Стенограмма круглого стола
26 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует стенограмму круглого стола «Украина и Россия: факты и толкования событий», проходившего в г. Ростов-на-Дону 26 апреля 2014 г.

Ключевые слова: Революция Достоинства, Евромайдан, российско-украинский конфликт, контрреволюция, русский национализм, круглый стол.

Участники:

Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)

Козер В., учитель средней школы

Макаренко В.П., доктор политических наук, доктор философских наук, профессор (СКНИИ-ЭиСП ЮФУ)

Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социологии и регионоведения ЮФУ)

Паин Э.А., доктор политических наук, профессор (НИУ-ВШЭ, Москва)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (СКНИИЭиСП ЮФУ)

Трофимов М.Е., преподаватель (ЮФУ)

В.П. Макаренко: Сегодня у нас состоится круглый стол на тему «Украина и Россия: факты и толкования событий февраля 2014 года».

А.Ю. Архипов: Уважаемые коллеги, у нас идёт обсуждение проблем России и Украины, нынешней кризисной ситуации. Отчасти неожиданной, хотя до этого говорили, что такая ситуация возможна. Сегодня мы можем обсудить причины и возможные последствия. Понятно, что такой кризис имеет много конкретных и глобальных причин. Конкретные причины в том, что власть на Украине коррумпированная, экономика не развивалась, а поводом явилась ситуация вхождения в ЕС. Хотя Янукович пропагандировал вступление, но в последний момент отказался от подписания. Глобальные причины состоят в том, что 25 лет назад биполярная система потерпела крушение. Возникло представление, что это «конец истории», а глобализация отождествлялась с действиями одного государства и его лидера. Этот лидер вёл себя соответственно — сначала Ирак, потом Югославия, Афганистан. В начале 2000-х годов говорили, что происходит глобализация одной страны. Хотелось сказать, что стул на одной ножке — неустойчивая конструкция. Так и произошло.

Затем возникли разговоры о многополярности. По объёму промышленности уже в начале 2010 года Китай обогнал США, а по уровню ВВП к 2018–2020 году ожидается, что страны БРИКС усилят свои возможности. Но мировому лидеру не хочется отдавать свое лидерство, он усиливает долю агрессивности. До недавнего времени всё получалось и все соглашались, но видите, чем всё закончилось. Пошли протесты и митинги. Едва начало это всё затухать, так называемые наши партнёры и друзья начали активизировать процесс денежно. И получили такую ситуацию. Да и когда-то надо было начинать отстаивать свою позицию. А то заявили бы о праве свободы Ростовской области, Воронежской области и всех остальных, хотя ситуация с Крымом сложная. Мы её сможем обсудить. Таково моё коротенькое вступление.

В нашей стране много проблем, и их надо решать, но надо также определяться со своими интересами. Может, это станет толчком для обновления нашей страны и экономики. Может, санкции послужат толчком? Помните, как в 1998 году кризис сделал то, что должно было сделать правительство? Рубль упал, импорт практически приостановился, появился восстановительный рост. На этой тенденции мы жили всё начало 2000-х годов. На 6, 7, 8% роста восстановилась экономика. Начали восстанавливать производство, выпускать свою продукцию. Вполне возможно импортозамещение более чем в половину этой суммы. Всё зависит от того, как это можно организовать. Одно дело — возможности, другое дело — реализация. Если найдём для этого пути, то в сложной ситуации можно сыграть из минуса в плюс.

В.П. Макаренко: По поводу кризиса 1998 года. Не скажу, что изучал, но прочитал книжку известного банкира В.В. Геращенко «Россия и деньги». В книге есть текст и подтекст. Видно совершенно определённое отрицательное отношение автора к режиму Ельцина. На основе книги у меня возник вопрос: не был ли кризис 1998 года специально спровоцирован, чтобы Ельцина убрать из власти? Обсуждается ли эта версия среди экономистов и насколько она возможна?

А.Ю. Архипов: Думаю, что нет. Это была мировая тенденция, она началась в Юго-Восточной Азии. Но то, что кризис 1998 г. был использован для смещения Ельцина, отрицать нельзя.

В.П. Макаренко: Два дня я молчал, а сегодня позвольте начать дискуссию. Мой доклад будет посвящён вопросу методологическому: как можно обсуждать возникшую проблему отношений между Россией и Украиной? В журнале «Политическая концептология» есть раздел «Злоба дня», в котором публикуются материалы, имеющие не только теоретическое, но и практическое значение. В первом номере за 2014 год мы опубликовали диалог присутствующего здесь профессора Паина с профессором Гудковым на тему «Российское общество после событий февраля-марта». В том же номере мы опубликовали статью нашего коллеги из Киева В.Н. Ткаченко «Общность исторической судьбы: испытание Майданом». Автор излагает реальные события в Киеве и обсуждает проблему с точки зрения мир-системной теории. Я тоже вхожу в дискуссию и хотел бы предложить свой подход к политическим событиям. У каждого исследователя есть своя мастерская, где он вытачивает свой инструмент анализа.

Исходным пунктом обсуждения является факт: не Украина вмешалась во внутренние дела России, а Россия осуществила агрессию в отношении Украины. Это даёт основание перейти к анализу событий разработанную мной теорию русской власти. Особенно раздел о реальной агрессивности и мнимых реформах Российской империи и Советского государства. Я показал, что терроризация, бюрократизация и модернизация являются звеньями одного и того же процесса укрепления власти.

При этом я исхожу из тех характеристик истории, внутренней и внешней политики Российского государства, которые были зафиксированы К. Марксом и Ф. Энгельсом, но целиком отвергнуты Сталиным. Со времени Ивана Грозного политика захвата других земель, морей и гор стала постоянной тенденцией внешней политики русского государства. Петр I сыграл исключительную роль в этой политике, придав традиционной агрессивности государства не местные, а европейские измерения. Москва с самого начала была агрессивным государством.

Невозможно найти такую нацию-государство во всём мире, которая смогла бы сравниться с Россией в захватах чужих территорий. Объяснение можно дедуцировать из марксовской квалификации Петра I, который «сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина».

Политическая традиция государства мотивирует индивидуальные решения вершины государственной иерархии. Эти решения являются руководящими до тех пор, пока они реализуют интересы государственной бюрократии. Государственный деятель сам по себе мало что значит, хотя массовое политическое сознание до сих пор склонно приписывать ему главную роль. Политический курс государства определяется интересами класса распорядителей средствами насилия.

Тенденция властной иерархии к агрессии объясняется тем, что агрессия служит важнейшим средством для расширения сферы контроля властной иерархии одного государства за счёт поглощения властной иерархии другого государства. Эта тенденция проявляется тогда, когда внутри одного государства общество уже подчинено правительству в той степени, в какой это позволяют сделать доступные власти средства технического контроля и манипуляции. Властная иерархия не является агрессивной, если она ещё не оккупировала полностью собственную социальную территорию. Она становится таковой тогда, когда все социальные территории уже достаточно контролируются. В этом случае во имя расширения сферы контроля властная иерархия одного государства готова пойти на вооружённую конфронтацию с аппаратом насилия, стоящим на страже властной иерархии другого государства.

Это правило формулируется в предположении, что потенциалы вооружённых сил двух сравниваемых стран примерно одинаковы. При значительных диспропорциях данных сил возможен и такой вариант, когда властная иерархия одной страны расширяет сферу внешнего управления за счёт полного или частичного захвата территории другой страны, не завинчивая до конца гайки по отношению к гражданам своей страны. Таков политический источник агрессивности страны. Экономическим основанием агрессивности страны является стремление к захвату прибавочного продукта, созданного на территории других стран. На протяжении истории существовали разные причины агрессивности России, но одна из них присутствовала постоянно — стремление её властной иерархии к расширению сферы собственного контроля и манипуляции. На всех стадиях развития России её население «нормально» угнеталось «своим» государством. Под «нормой» я имею в виду технико-организационные средства насилия, находящиеся в распоряжении государства (вплоть до «зелёных человечков»). А поскольку связь власти с собственностью толкала нашу страну к нарушению данной «нормы», постольку Россия всегда стремилась проглотить территорию сопредельных стран.

Таким образом, главная причина агрессивности России заключалась в насилии над собственными гражданами. Когда насилие внутри страны уже невозможно было увеличить (при наличных средствах насилия и организации аппарата насилия), Россия обнаруживала тенденцию к внешней агрессии. Русские армии маршировали во все стороны света на протяжении столетий не потому, что русский народ агрессивен «по природе», и не потому, что стремление к агрессии было высосано им из кобыльего молока монгольских захватчиков. Русский народ всегда был угнетён больше, чем соседние народы. А жаждущий власти класс распорядителей средств насилия вынужден был искать дальнейшие возможности расширения властной регуляции за пределами своей страны. Иначе говоря, внутреннее насилие обусловило внешнее насилие.

Надо учитывать также множество других факторов, детерминирующих деятельность Российского государства: территориальные размеры страны (обусловившие необходимость создания систем связи и средств коммуникации), большое количество населения (из чего вытекало преимущество перед соседними государствами, стимулирующее склонность к агрессивной политике), минеральные богатства страны, политическую традицию и т. д. В истории России возникла сложная сеть многообразных связей и взаимодействий. Проводником в этой

сети может быть теория, описывающая скрытые пружины внешних событий. Для разработки данной теории надо отвергнуть мифы экономизма, телеологизма, идеализма и индивидуализма.

В целом, переплетение функций власти и собственности в руках государства привело к тому, что наше государство до сих пор относится к экономическому сопротивлению производителей как к политическому сопротивлению и ликвидирует его посредством насилия. Насилие государства ликвидировало волю к гражданскому сопротивлению вообще. Российское государство до сих пор лишает граждан политической воли, превращая их в верноподданных. Оно до сих пор стимулирует социальное оцепенение и омертвление производителей и потребителей.

Эта констатация подтверждается исследованиями коллег из других стран. От Дэвида Юма берет начало традиция рассматривать государство как искусственное изобретение. Однако Дуглас Норт с коллегами в свежей книге выдвигает интересное сравнение: Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине — это «естественные государства». При этом Норт приводит множество аргументов, которые нуждаются в систематическом анализе. Среди них и такой: Путин в России проводил реформы для того, чтобы получить экономические ресурсы для укрепления своей власти, но едва стало ясно, что цены на нефть будут продолжать расти, он отказался от реформ¹. Один из признаков «естественного государства» — использование экономических ресурсов для укрепления личной власти и право высшего лица государства принимать решения об этом. Есть и множество других, о которых я сейчас говорить не буду.

В прошлом году я опубликовал две статьи о современном российском милитаризме. Они начинаются с обсуждения вопроса: «что такое кредо Гамлета?». Все мало-мальски здравомыслящие люди моего поколения, которых черт дёрнул родиться в СССР, вынуждены были прожить в этой стране в качестве иностранцев или внутренних эмигрантов. Эта мысль пересекается с тем, что пишет Орхан Памук: страны, которые существуют на стыке цивилизаций, не могут обойтись без точки зрения иностранца на свою страну. Но жители такой страны сами должны занимать точку зрения внутреннего иностранца. Эта идея развита в книге «Биография Стамбула». Как культивировать такую точку зрения вообще и применительно к нынешней ситуации «Россия-Украина»? — на эту тему нужен особый разговор.

Я скажу пару слов по поводу поколения, к которому принадлежу вместе с Эмилем Абрамовичем. Многие из нас отличались своей мерой иронии, дистанции, отстраненности или брезгливого любопытства ко всему, происходящему вокруг. На эту тему существуют уже целые библиотеки. Чтение можно начинать откуда угодно. В том числе с книги Петра Вайля «Свобода — точка отсчёта». Он уехал из СССР по многим причинам, включая желание читать любые книги, а не только продукцию советской издательской машины. Петр Вайль — знаковая фигура. Он отмечает, что даже такая невинная страсть, как любовь к книгам тоже заставляет принимать решения об эмиграции. Потому что советская издательская продукция — от обыкновенных букварей до многотомных сочинений — воспитывала человека определённого склада. В. Набоков отметил, что главным героем советской литературы является полицейское государство. Отторжение советской издательской машины вынудило Вайля к эмиграции. Он высказывает идею о свободе как точке отсчёта. Эту идею я попытаюсь развить.

Принц Гамлет говорил: «Весь мир — тюрьма, а Дания — худшее из его подземелий». Почему же будущий король называл страну, которой ему предстоит руководить, худшим из всех подземелий, а весь мир уподоблял тюрьме? Профессор Шкуратов уже осуществил сравнение европейской тюрьмы с русской каторгой — на основе работ Фуко и путевых заметок Чехова о Сахалине. Но это попутный сюжет. Я думаю, каждый житель нашей страны должен

¹ См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011, с.84, 246

применять кредо Гамлета к данному времени и обстоятельствам. Это значит, что жители России могут исходить из посылки: весь мир тюрьма, а Россия — худшее из его подземелий. А жители всех постсоветских стран вместо России могут иметь в виду свои государства. На этой основе можно исключить приоритет своего государства над всеми остальными. Возникает вопрос: в какой мировоззренческой системе возможно такое высказывание? Такой образ мира содержится в христианском мировоззрении, в котором есть идея о теле как темнице души. И чтобы докопаться до истины, тело как сосуд греха надо истязать и терзать. Затем, разделение всего мира на высший и низший тоже достаточно древнее. В христианстве это было заимствовано, чтобы истолковать свою страну как подземелье в общей мировой тюрьме. Речь идёт об использовании элементарной антропологической процедуры как следствия реанимации религии сверху на всём постсоветском пространстве.

Изучение мест заключения может быть развёрнуто вслед за идеей квалификации своей страны как худшей из подземелий. Здесь можно сослаться не только на классический пятитомник Барнета, но и на свежую книгу А.Н. Олейника. Почему я на это обращаю внимание? Аргументов для такого уточнения тоже хватает, упомяну только два.

На протяжении XX века Советский Союз стал чемпионом мира по уничтожению собственного населения, и никто за это не понёс моральной, политической, уголовной и метафизической ответственности, в соответствии с классификацией Карла Ясперса. Правда, после процесса Берии были возбуждены мелкие уголовные дела, сработанные по принципу стрелочника. Значит, послесталинская власть перенесла в новые условия старый германский принцип «Право или неправое, но это моё отечество». В соответствии с этим принципом своя страна ставится выше права и морали. Значит, данный принцип выводит свою страну за рамки политического и морального осуждения. Я считаю, что это кредо надо отвергнуть, потому что оправдание всех войн XX века — мировых и локальных — базируется на данном принципе. С ним переплетено этническое понимание нации.

Вот сидит Ибрагим Дама, он может прекрасно рассказать об этнических войнах в Руанде и в других странах Африки. Когда миллионы уходят из жизни, а в цивилизованном обществе об этом даже не знают. В окрестностях России начинается тот же самый процесс. Я имею в виду войны в Абхазии, Приднестровье, Чечне, Грузии, теперь на Украине. Поэтому надо чётко осознать, что превращение собственной страны в основание для суждения обо всех остальных, — это крайне опасное политическое заблуждение. Если судить по российским СМИ, особенно телевидению, мы наблюдаем сегодня сознательное преобразование заблуждения в систематическую ложь, которая инициирована политическим руководством страны. Последствия заблуждения хорошо известны, я их перечислять не буду, достаточно сослаться на классическую работу Ханны Арендт «Истина и политика».

Если судить от противного, то все остальные нации, входившие в бывший советский блок, могут обосновать кредо Гамлета в отношении к собственной стране. Это кредо относится ко всем государствам, которые раньше были республиками и входили в состав СССР, а теперь являются самостоятельными. Это кредо становится принципом социализации индивида и становления гражданина. Почему? Потому что Гамлет выступал против всей системы повседневности, которая базировалась на христианском миропорядке. Из кредо Гамлета вытекает критика и отрицание всего христианского мироздания, а также той версии, которую пропагандирует РПЦ Московской патриархии.

Формулу Гамлета я предлагаю дополнить идеями Эрнста Юнгера, высказанными во время и после советско-германской войны. Его дневники переведены на русский язык. Кстати, он был в Ростове-на-Дону и на Кавказе, написал «Кавказские записки». Юнгер определил Ростов как «Восток, лишенный всякой магии». Почему? Потому что машины, паровозы и прочая техника встречаются на каждом шагу, но по улицам движутся люди в последней степени человеческого падения. Громадный диссонанс между миром техники и человеческим миром. Но не только наш город, а вся Россия отличается этим диссонансом.

Эрнст Юнгер интересен тем, что он — один из немногих храбрецов, получивших Рыцарский крест с бриллиантами за поведение в боях Первой мировой войны. То были исключительной храбрости люди. Он последним получил этот крест и перешёл в аристократию. Эту награду в кайзеровской армии получали за личную храбрость. В истории СССР тоже был орден Боевого Красного знамени, которым награждали за личную храбрость в бою. Но среди награждённых я не встречал ни аристократов, ни глубоких или хотя бы поверхностных политических философов.

Так вот, в послевоенных записках Юнгера содержится констатация: «Правительства сменяют друг друга как членики ленточного червя, но их голова, их умопостижимый характер остаётся прежним. Каждое новое правительство пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления всё более сводится к умению при этом создавать иллюзию свободы, следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда». Итак, Юнгер зафиксировал связь иллюзии свободы с полицией и пропагандой. Эту взаимосвязь я предлагаю проанализировать в целом и в отношениях между Россией и Украиной. Иначе говоря, анализ взаимосвязи здесь и сейчас существующей свободы с деятельностью полиции и пропаганды есть необходимый элемент гражданского и политического воспитания.

Но если в зале сидят квасные патриоты, обалдевшие от нынешней российской пропаганды, то они могут подумать: «Мало ли что говорил немец. Немец для нас не авторитет». Поэтому сошлюсь на записки натурального русака — Анатолия Сергеевича Черняева. Он более тридцати лет проработал в ЦК КПСС, в международном отделе. Непосредственно занимался политической пропагандой. Среди прочего высказывает такую идею: полицейская и пропагандистская деятельность выхолащивают само содержание ума. Эта констатация высказана им на основе анализа функционирования различных отделов ЦК КПСС. Каждый может прочесть записки Черняева и поразмыслить об этом феномене.

А я написал о связи полиции и пропаганды в статьях о современном российском милитаризме. В первой статье описана связь электоральных процессов с войной в Чечне. Вот Эмиль качает головой, потому что он прекрасно знает, как была связана первая чеченская война с электоральным процессом. Нам надо создать панорамный взгляд на отношения между Россией и Украиной. Аналитик должен проанализировать несколько точек зрения. Для иллюстрации я привожу взгляды генерала, солдата и журналиста на первую и вторую российско-чеченскую войны.

Анна Политковская освещала не только первую, но и вторую российско-чеченскую войну. К взглядам военных надо подходить дифференцированно. Для оценки сегодняшней ситуации важно разделить взгляды генерала и солдата. Это различие проработано при оценке советско-германской войны. В литературной критике 1960-х гг. даже были выработаны особые концепты «правда жизни» и «правда факта». «Правда факта» или окопная правда чрезвычайно важна для оценки сегодняшних ситуаций. А в повестях писателей-фронтовиков Виктора Астафьева и Василя Быкова советские чекисты и политруки считаются хуже фашистов. Вот эту идею можно использовать при описании нынешней взаимосвязи деятельности полиции и пропаганды.

Давайте посмотрим на проблему с другой точки зрения. Можно по-разному оценивать деятельность Лукашенко по руководству Беларусью. Но тот факт, что Василий Быков, выдающийся писатель и фронтовик, вынужден был уехать из страны и жить в Германии, это нонсенс, пятно и позор для страны. Василь Быков описывал как раз реальные факты войны и давал материал для рефлексии по поводу порождаемых войной морально-политических дилемм. Он прошёл войну, прочувствовал её на своей шкуре и имел мужество писать правду о ней.

Промежуточное резюме для дальнейшего обоснования применимости кредо Гамлета к России я суммирую в одном абзаце, в котором содержится резюме анализа ситуации в работах Анны Политковской.

Россия не застрахована от возвращения к тоталитарному прошлому, армия превратилась в политическую репрессивную структуру, на территории Чечни пустил корни государственный фашизм, пророченный даже в семейные отношения. Что это такое? Это когда здоровые люди совершенно не заботятся о своих родных и близких. Политковская описывает множество фактов, когда люди бросают своих стариков на произвол судьбы. Но ведь такое отношение к старикам не является новым, его во множестве описывают авторы XIX в., когда дают без прикрас реальную картину крестьянской Руси. Эти вещи происходят сегодня, они получили массовое распространение в мирном состоянии общества, как в России, так и в Украине. В России утвердилась такая демократия, когда никому не нужна независимая журналистика. Интересы российских спецслужб слились с интересами мнимого противника. Одновременно российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии. Российские войска в Чечне находятся в ситуации карателей, российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции.

В целом, заключает Политковская, власти не в состоянии изменить ситуацию в стране. Наши граждане совершенно не верят, что государство способно на что-то доброе в отношении своих граждан.

Второй шаг связан с анализом процесса распада страны, я это называю «войны в системе центр-периферия». Здесь интересны отличия первой российско-чеченской войны от второй — или так называемых «контртеррористических спецопераций». Подобные операции проводили в Абхазии, Северной Осетии, Крыму, теперь в Восточной Украине. Я имею в виду, что в первой чеченской войне существовала возможность для разных источников информации. Существовали правозащитные организации, которые имели доступ к самим событиям. Во второй чеченской войне этого уже почти не было.

Вот я взял книгу — справочное пособие обязательств ОБСЕ в области человеческого измерения. Это кодекс, там собраны все международные юридические документы, с помощью которых мы можем оценивать эти процессы. Соответствуют ли этим обязательствам спецоперации, проведённые Россией после 2000 года? Вопрос риторический. Можно сказать совершенно определённо, что нам предлагают по телевидению только один взгляд на вещи — официальную точку зрения, да и то не всю. Исходной информации мы не имеем. В период распада империй при осуществлении спецопераций происходят типичные нарушения прав человека в России и Чечне. Надо также сопоставлять деятельность военных и паравоенных формирований, то что может называться «ополчением» и вокруг которого может крутиться информационная политика. В Чечне «народным ополчением» считались прокремлевские силы. Сегодня аналогичные ярлыки лепятся на формирования, действующие в Славянске, Краматорске и т. д.

Всю эту проблематику я предлагаю анализировать с помощью концепций превращённого сепаратизма и колониальной войны. Марк Ферро, один из известных современных историков, был Директором института изучения Восточной Европы. Его книги переводят в России. Его «История колонизации» до сих пор не переведена. На основе сравнительного анализа политики колонизации, которую проводили все европейские страны, включая Россию, он разработал концепт превращённого сепаратизма, который позволяет глубже рассмотреть природу войн в системе центр-периферия и интерпретировать факты и тенденции. Я сейчас не буду подробно рассказывать про концепцию превращённого сепаратизма и колониальной войны. Меня всегда больше интересует применение концепций здесь и сейчас. Как можно применить эту концепцию для оценки процессов в системе центр-периферия?

Дело в том, что большинство людей заинтересованы в использовании вершины власти и всего иерархического аппарата в интересах той или иной территории. Люди обычно вне-

дряются в эту систему, чтобы незаметно пробраться наверх и принимать решения, которые дают преимущество определенным ведомствам, местностям, нациям, профессиональным группам и т. д. Это наблюдение может быть применено не только к первой и второй российско-чеченской войне, но и к стремлению вершины иерархии восстановить прежние иерархические отношения между Россией и Украиной. С этой точки зрения термин «контртеррористическая операция» весьма дискуссионен. Но самое интересное, что информацию в подтверждение мы можем получить из исторических источников. Мы живём на Дону, в непосредственной близости с Украиной. Полезно прочесть мемуары генерала Полякова, начальника штаба генерала Краснова. У него можно встретить аналогичные рассуждения.

В самом начале борьбы с советской властью на Дону (1918 г.) возникали не красные, а белые партизаны. Они претендовали на самостоятельность. Чернецов был один из белых партизан, он сам организовал свой отряд для борьбы с возникающей советской властью. И генерал Поляков описывает, как возникающие командиры отрядов белых партизан очень ревниво относились к другим соседним командирам таких же отрядов. Они не хотели подчиняться такому же командиру, который создал такой же отряд. Вот этот инстинкт иерархической власти проявлялся даже в боевых условиях. Возникающие командиры белых партизан стремились вступить в контакт с центральной властью. Казалось бы, самостоятельная организация отряда для борьбы с возникающей советской властью была итогом свободного волеизъявления. А на деле она была связана с укреплением и воспроизводством властно-иерархических структур. Стремление вступить в контакт с центральной властью М. Ферро называет превращённым сепаратизмом. На основе так называемого свободного волеизъявления непосредственных участников событий воспроизводится гигантская система иерархической власти. Вот к чему привели действия наших прадедушек и прабабушек на казачьем Дону. А сегодня тот же процесс идёт под флагом «добровольных формирований». Мне пока ещё не приходилось встречать исследований процессов вербовки в эти структуры.

Если бы я дальше говорил про Украину, то я сказал бы о необходимости обобщения тех публикаций, которые противостоят точке зрения, навязываемой СМИ. Я имею в виду прежде всего статью Владимира Пастухова «Украинская революция и русская контрреволюция», публикации Анатолия Стреляного, публикации одесских журналистов, европейских и т. д. Информационный массив должен быть совершенно другим, а не тем, что нам предлагают российские СМИ. Вслед за Александром Бовиным я их называю «средствами массового огулления». Массовое огулление мы можем детально описывать на основе той информации, которую нам вдувает в уши пропаганда. Необходим поиск совершенно другой первичной и многообразной информации, которую можно использовать для противодействия официальной точке зрения на события.

Э.А. Паин: Я прямо воспользуюсь этой методологией и расскажу про Россию и Украину. Методологически нас научил Виктор, что надо подойти к ситуации с точки зрения панорамного взгляда и осветить разные концепции. Первый выступающий осветил официальный взгляд на современную ситуацию. Что это за концепция? Её можно выразить словами М.Ю. Лермонтова «Мы долго молча отступали». Это взгляд на XXI век мозгами XIX века, при котором всё развивается следующим образом: формируется сильный игрок — США и Европа; они развивают свою экспансию, захватывают всё новые и новые территории; Россия всё это время молча уступает; наконец, она ударила кулаком и говорит: «Нет братцы, хватит. Паршивой овце мы ноги оторвём. Много оторвать мы не сможем и не надеемся, но хоть что-нибудь себе урвём и выхватим». Это одна концепция.

Вторая концепция названа не была, но методологически была обозначена. Это концепция Гамлета, Чаадаева, Герцена, Сахарова, Политковской и др. Это концепция людей, которые говорят: «Мы любим Россию и хотим, чтобы лучше ты стала». т. е., они не говорят «Я люблю свою страну и пусть она летит в пропасть», а говорят: «Если уж я её люблю, то что-то не то в ней происходит, поскольку она превращается в придаток мировой системы». Вчера

Слава Иноземцев рассказывал нам о том, что, в отличие от Советского Союза, у которого нефтегазовый комплекс составлял 18%, сегодня бюджет Россия на 60% зависит от нефтегазового комплекса. Остальной мир развивается в сторону индустриальной и постиндустриальной экономики, в России происходит мощнейшая деиндустриализация, экономическая и политическая архаизация. Вчера эту концепцию обозначил Иноземцев, это концепция конфликта между Севером и Югом, модернизацией и архаикой. В этом смысле Майдан — это происки проклятого империализма, подкупленных агентов, которые сотнями умирают за деньги, за три рубля или тридцать серебрянников.

Но есть иная точка зрения: выходят на Майдан потому, что достали, что так дальше жить нельзя. Уровень коррупции на Украине такой же, как в России. При таком уровне коррупции больше жить нельзя. Больше пытаться назад не только в политическом, но и в социально-экономическом, — это значит падать вниз до стадии неолита. И рано или поздно разумные люди выходят и говорят: всё, возвращайте конституцию, раз назвались демократией, давайте и будем ею.

Так вот, вторая концепция — это спор «Север-Юг», спор модернизации и архаики. И здесь понятно, на чьей стороне будут те силы, которые говорят: моя страна лучше, потому что она права, и те силы патриотов, которые говорят, что моя страна стала лучше.

Таковы две существующие концепции. Параллельно возникает ситуация, при которой полагают, что война даст подъем, она входит в официальную концепцию, идея того, что ситуация санкций будет стимулировать этот подъем. Данный тезис не выдерживает ни малейшей критики. По той простой причине, что огромный ресурс интеллектуальных и экономических изменений изменений не прибывает, а его убивают. За несколько месяцев в оттоке мы потеряли больше средств, чем за прошлый год. И с помощью чего мы будем индустриализировать? Вчера Иноземцев сказал, что только на трансформации направлений нефтегазовых магистралей мы потеряем до трети выручки. Он сказал, что цены, которые предложил Китай, на 30% ниже европейских. И это при существующем экономическом напряжении. Да притом, что по сравнению с Олимпиадой восстановление Крыма потребует огромных затрат. Значит, две олимпиады в один год, плюс отток капитала плюс переориентация экономики, — всё это очень серьёзно. Но для нас существенен не сам Крым, а то, что происходит внутри страны. Внутри происходит рост цензуры, принимается ряд законов, при которых по сути закрываются фейсбук, твиттер и скайп.

А теперь дам оптимистический финал из области истории. Вчера прочитал в Интернетовском издании «Русская планета» статью моего аспиранта. Начинается она так: полтора года назад мой научный руководитель Эмиль Паин сказал, что «начинается период политической реакции». Ну, сказал и сказал, а до него сотни людей это говорили. Но я, говорит мой аспирант, задумался: что это за термин «политическая реакция», когда его начали впервые употреблять в России, в какие исторические моменты? И он сказал интересную вещь: это исследование очень оптимистическое, всем известно, что политическая реакция когда-нибудь заканчивается, и я начал разыскивать, когда впервые это слово начали употреблять. И описанная моим аспирантом картина меня действительно воодушевила, потому что это описание нашей нынешней ситуации действительно историческими красками.

Оказывается, впервые этот термин был использован в публицистике и в научной литературе в период так называемого «мрачного семилетия», который начался после 1848 года, после «весны народов» в Европе. Впервые термин «весна народов» начали использовать в XIX веке, а не сейчас, когда описывают весну арабскую, русскую и т. д. И точно также «оранжевая революция» сильнейшим образом насторожила тогдашнего президента Николая I.

В.П. Макаренко: Не президента, а царя.

Э.А. Паин: Да что ты говоришь? Президента — и буду на этом настаивать. Более того, просто фамилии были другие, а вся система фигур была представлена. Николай I пришёл к власти в момент выступления декабристов, поэтому он к весне народов отнёсся с повышен-

ным вниманием и резко увеличил цензуру. Был создан секретный цензурный комитет, который получил чрезвычайные полномочия. Дальше оказалось, что наши Сурковы, Кургиняны, Дугины просто имели другие фамилии: Уваров, Меньшиков, все графы да князья, а так просто все один к одному, даже внешне похожи. И дальше всё стало понятно. Только назывались они иначе.

Главный редактор «Отечественных записок» похож на редакцию «Эхо Москвы». Рупор либеральной идеологии был вызван в III отделение, и божился и крестился: «Да я русский, эту Европу терпеть не могу», и он всегда хранил преданность и верность отечеству и его величеству. Тут же в своих «Отечественных записках» написал страшный донос на Белинского. Дело в том, что донос был написан на следующий день после смерти Белинского, т. е. кощунство было совершенно и в этом процессе. А редактора журнала «Современник» Некрасова посадили в систему иными методами. Над ним начали процесс экономического давления, после чего он потерял 4 тысячи рублём серебром, что по тем временам был полным разорением, аналогично тому, как случилось с нашим Навальным. Петрушевского за политическое выступление присудили к смертной казни. Впервые за долгие годы процесс набирал обороты. Главной темой всех изданий был патриотизм. Именно в это семилетие распространился термин мракобесие. Что он обозначал? Ровно тоже самое, что и сегодня, один к одному. Борьба с Западом, который наступает, а мы долго отступаем. Всё это привело к закону о закрытии всех университетов. Даже граф Уваров написал царю: если все закрыть, то мы так поможем только врагу. Народ обозлится, крепостные не считались народом, народ пойдёт в оранжевые революции, пойдёт на Болотную, на площадь Сахарова пойдёт, только там были другие названия. Так что (*обращаясь к В.П. Макаренко*) ты меня не перебивай, не говори, что это не президент, а площадь — не Сахарова.

В.П. Макаренко: Тогда князь Ширинский-Шихматов написал, что «польза от философии не доказана, а вред возможен».

Э.А. Паин: Он сказал это позже. Вначале князь Уваров написал записку, на основе которой сняли Бутурлина, вместо него назначили князя Ширинского-Шихматова главой этой структуры. И закрыли не все университеты, а только философские отделения. Так что вашу философию народ всегда не любил, всегда считал её рассадником крамолы. А его величество решило, что без неё обойдёмся. Но давайте перейдём к нашему времени, которое положило конец мрачному семилетию. Война вначале называлась вовсе не Крымской, а Восточной. Была обычная русско-турецкая война, причём изначально царь рассчитывал, что Европа его поддержит, потому что он предложил странам Европы разделить в конце концов умирающую Османскую империю: нам Босфор с Дарданеллами, а вам — всё остальное. Но Запад, который был всегда русофобским, не пошёл на это милое предложение. Вместо того, чтобы сообща с Россией разделить Османскую империю, вместе с Османской империей перешёл в наступление и высадил корпус в Крыму. И только Австро-Венгерская империя, которая спаслась армией от бастующих революций, заняла, как положено, в Совете Безопасности того времени нейтралитет.

И дальше всё по плану, Крымская война закончилась тем же, чем она закончится сегодня. Мировая экономическая изоляция, тогда Севастополь ушёл, а сегодня пришёл, но сути дела это не меняет. После мрачного семилетия произошла либеральная революция, которую историки сегодня оценивают как прыжок через тысячелетие. После мрачного семилетия произошла либеральная революция Александра II. Не просто отмена крепостного права, а установление системы законодательных актов, появились земства, появилась зачатки парламентаризма в местных земских органах. Недавно вышла книжка «Конец или начало истории?». Авторы пишут, и я с ними согласен, что тот корпус изменений в России после Крымской войны при другом развитии произошёл бы через тысячу лет. Но я думаю, что сегодня семилетия не будет, сегодня год идёт за два, примерно года через три-четыре Крымская война закончится. Как писали в моё время, Крымская война обнажила всю гнилость царского

режима и всей системы. А поскольку всё повторяется, вплоть до фраз, то тоже будет сказано, что эта геополитическая авантюра обнажила всю гнилость политической системы, которая взята из XIX века и перетащена в XXI век с помощью сугубо затратных мер.

Кстати, когда началась Восточная война, в России тоже был необычайный прилив патриотизма, но, может, нынешний подъем патриотизма не сопоставим с тогдашним. Тогда старушки кричали ура и в воздух чепчики бросали, всё было весело и знаменито. Но прошло два года и настроение изменилось. Тогда пенсии не то что мало платили, их вообще не платили. Но общий экономический климат был таков, что стало ясно: при такой ситуации паровозов и железных дорог нестроишь, поэтому мы проигрываем войны. И ружья нужны другие, а главное — социально-экономические и политические отношения надо радикально поменять. Основным исследователям той компании, которая ведётся сегодня в России, это совершенно ясно.

Ещё раз повторю: для изменения потребуется не 7 лет, а 3–4 года. Это время потребуется для прояснения ситуации. Все прошлые попытки модернизации экономики надо реанимировать и развить. С ситуацией дефолта 1998 года она не имеет ничего общего. Это совершенно разные состояния. Там имел место экономический разогрев, потом отсев, сегодня же происходит отказ от экономически развитого рынка и переход к палке-копалке. Значит, этот переход, эта система перенапряжения экономических сил показала полную несостоятельность системы управления и системы связанных с нею отношений. Индустриальный рост сегодня не создашь с помощью ГУЛАГа, нужна инициатива, а сегодня она подавляется. Все отмечают, что никогда за прошедшие 25 лет климат для бизнеса не был так неблагоприятен, как сегодня. Я питаю оптимистическую надежду, что история повторится дважды, а случай с либеральными реформами не повторится в виде фарса. Вот и всё. У меня есть и частные конкретные соображения, потому что я эту тему изучал много лет. Если будут вопросы, я могу на них ответить. В том числе на вопрос: чем Чечня отличается от Юго-Востока Украины?

Реплика из зала: Спасибо за новый взгляд, очень интересно, мы по телевизору получаем иную информацию, здесь же новая информация.

Э.А. Паин: Какая же она новая? Ей уже полтора века.

М.Е. Трофимов: вот буквально вчера я с поляком беседовал, который приехал из Киева, и он сказал, что в Крыму по результатам социологических исследований киевских фондов около 60% населения хорошо воспринимают Россию и готовы к ней присоединиться. Какие цели были у Крыма при присоединении к Российской Федерации? Защита — это внешняя сторона, а может там есть и другие причины? Как быть с тем, что большинство населения желало и желает быть в составе России?

Э.А. Паин: Понятно, я могу ответить на все вопросы и даже добавить. Я проводил исследование в Крыму и могу сказать, что Крым всегда был более русским, чем остальная Россия. В период, когда он был частью Украины, ни в одном городе России вы бы не увидели на балконах русские флаги. В Севастополе это сплошь и рядом, не просто в городках Черноморского флота, но в обычных домах на балконах висели российские флаги. Конечно, Севастополь — военно-морская база, он отличался от всех остальных городов.

Второе. Мы проводили исследование фактора крымско-русской печати. Она была единственной в СССР, которая в 1990-е годы отказалась от перехода от обычного оборота «на Украине» к обороту «в Украине». Все остальные органы печати, в Казахстане, в Грузии, лишь приказали писать «в Украине», «Тыва», «Кыргызстан», мгновенно перешли к этой форме. А крымская печать не переходила. Почему? Есть интересные исследования Хендерсона, это известный этносоциолог. Он показал, что часть крупных этнических массивов, особенно тех, которые являлись лидерами в метрополии, попадая в условия, когда они воспринимаются как чуждые, пытаются психологически-компенсационно усиливать свою принадлежность к бывшей метрополии. Это не шутка: русские в Крыму были большими русскими, чем в большей части основного массива России. В этом смысле у меня нет ни малейшего сомнения. Поэто-

му мне не нужны другие исследования, у меня нет никакого расхождения, притом, что я критически отношусь к официальной позиции и к желанию значительной части крымчан.

Дальше. Я участвовал два года в так называемом крымском диалоге, имел возможность встречаться и общаться со всеми представителями общин Крыма. У меня достаточная информация, какая ситуация была в Крыму до момента присоединения. Каково моё отношение к этой ситуации? Я решительно против определения «право нации на самоопределение», особенно когда его использует Российская Федерация. Потому что надо больше делать, чем использовать этот термин. Особенно, когда одни и те же люди используют его производно от конъюнктуры. Например, мой давний оппонент академик Тишков во время войны с Чечней трактовал право наций на самоопределение в одну сторону, а в случае с Крымом в другую сторону. Мы тут заботимся о праве крымской нации на самоопределение, и не думаем о праве чеченской нации на тоже самое. Для этого надо быть совсем пьяным или сильно уколотся. Мы часто говорим о двойной морали и двойных стандартах Запада, но тут речь уже не о двойных стандартах. Тот же самый Лавров в один и тот же день говорит, что нельзя политическими и военными средствами идти против мирного населения в чужой стране, но едва объявили контртеррорристическую операцию в двух районах Дагестана говорит совершенно другое. Хоть бы подождали пару дней.

Ещё раз говорю: мы живём в ситуации сказочного мира, когда в одном стакане и флаконе можем смешать грешное и праведное, белое и чёрное, не заботясь ни о каких моральных нормах.

Теперь отвечу на вопрос, что нужно было делать? История и мировая практика знает ответ на этот вопрос, его дал Южный Тироль. Это автономия в составе Италии, в которой большая часть населения австрийцы, говорящие на немецком, ощущающие себя даже не австрийцами, а тирольцами. У них свои национальные традиции, обычаи и т. д. Это длительная историческая проблема смешанной территории, где в городах больше итальянцев, а в сельской местности больше австрийцев. Всё закончилось подписанием мирного договора между двумя странами. Ни одна страна не может возразить в связи с нарушением каких-либо правовых норм. Они договорились о целом ряде условий, на которых обе стороны подписали статус этой территории в составе Италии, а могли бы и в составе Австрии. Все стороны защиты прописаны железным образом.

Если бы подписали такой договор, я бы говорил друзьям из Киева: «Да господа, ребята, вас спасли, да передайте вы эту территорию, честно, спокойно, и эти 15 миллиардов вам бы дали, которые обещали, и ещё под какие-то выгоды, да без проблем, никакой войны, никаких „зелёных человечков“, никакого спора с миром, не надо опять закрываться, не надо опять объявлять». Но дело в том, что для России объявление войны Западу было важнее Крыма. Крым — это так, для массового спроса, для тех, кто чепчики бросает. А главное достижение было: «мы им показали», «мы тихо, молча отступали, теперь мы им дали, мы им показали». Хотя всё только начинается, какое «показали», только начинается Крымская война, как это было 150 лет назад. Она началась не с объявления и не с начала распада Османской империи. Она началась с того, что обозлили весь остальной мир. Теперь и у Запада есть свои интересы. Там тоже есть военная бюрократия, которая сейчас счастлива, потому что может требовать повышения военных расходов, увеличивать часть бюджета на армию и т. д. То есть, сейчас только Россия включила механизмы раскрутки военного маховика.

Но если Россия даже в первой половине XIX века уже не могла жить отдельно, то сегодня в глобализованном мире, с провальной экономикой, кому это будет интересно? У нас около трех миллионов людей, которые имеют только вид на жительство в западных странах. А с теми, кто имеет собственность в загранице — это уже десятки миллионов. И кому будут интересны те, что будут работать в Ростовской области? И как он будет вставлять свою карточку в Вашингтоне или на пляже в Турции? Сейчас число выезжающих в Турцию в пять раз превышает число желающих не то что в Крым, но и в старые наши курорты. И попробуйте

тронуть их, это они сегодня говорят «мы потерпим». Но тех, кто говорит «потерпим», и раньше никто не слушал, а сейчас тем более не будет слушать. А вот попробуйте у того общества, от которого здесь что-то зависит, отобрать карточки. Больше ничего не говорю, только карточки, да один фейсбук — и вы получите такой разогрев, что трех лет не надо будет.

Главное. Всё уже было, была Болотная, была площадь Сахарова, но не было понятно, почему выходили. Они нас обманули на выборах. Так разве вас первый раз обманули? Вы девочки, что ли? Тогда не за что было бороться. Но когда отбирают, когда переводят льготы натуральные на моральные, когда «Трансиб» прикрывают — тогда уж точно есть за что бороться. Поэтому сегодня почему простому человеку не радоваться? Ему подарили сказку — Крым, ему говорят: нас на 2,5 миллиона стало больше, и на это деньги не потратили, никого не убили, ни одного разбитого носа, почему не радоваться? Моя тёща радуется, сидит на своей лавке у дома. Моя жена то ли радуется, то ли нет, при мне — нет, а так вообще — да, но догадываюсь. А почему бы и нет, за копейки купили такую красивую цацку. Так что я переполнен оптимизмом.

М.Е. Трофимов: Тут правильно прозвучало, что представители Украины иногда становятся большими патриотами, чем мы с вами. Но возникает такой вопрос: можно ли с Крымом, вообще со всеми пограничными регионами урегулировать отношения цивилизованными методами? Вы привели пример Южного Тироля, есть ещё Аландский пример, это территория Финляндии, в которой заселены в основном шведы, которые имеют автономный статус в составе Финляндии, которая является унитарной республикой. И тут возникает вопрос: вам не кажется, что в исторической Украине, которая стала независимым государством, была возможность выкинуть из состава Украины обзлётанный национальный анклав, т. е. территорию, которая плохо оценивает то, что они оказались в составе Украины? Приведу аналогию: когда в Ирландии был конфликт с Британией по поводу того, что Северная Ирландия оказалась в составе Соединённого Королевства, то Северную Ирландию оставили в составе Британии. Когда возникли проблемы в Малайзии, которая вначале была с китайским меньшинством, а затем китайцы оказались большинством в Сингапуре, то этот город выкинули из Малайзийской Федерации. И он оказался страной Сингапур. Если бы Сингапур остался в Малайзии, то политика превосходства малайцев могла бы существовать физически. У Украины был вариант: отдать России Крым сразу или дать Крыму статус широкой автономии. Но характерно, что шведов в Финляндии 6–7%, но язык шведский знают 40–50%. В Англии ситуация сложнее, она ближе к украинской, когда все знают английский язык и относительное меньшинство знает ирландский язык. Вам не кажется, что эти цивилизованные решения для Украины были намеренно саботированы тем, что в Украине тоже есть группа с архаичным сельским мышлением, совершенно дворового национализма?

Э.А. Паин: А им предлагали? У нас городское, не сельское мышление, мы им предлагали?

М.Е. Трофимов: Не думаю, что на Украине вообще этот вопрос поднимался.

Э.А. Паин: Тут есть несколько тем для профессиональных размышлений и для сентенций пикейного жилета. Начну с профессионального. Ситуация действительно очень сложная. И очень часто бытовые представления расходятся с реальностью. На беду, у нас ничему этому не учат, даже на курсах этнополитологии. Ситуация такова: в Казахстане, в Белоруссии, в Украине так называемый национальный язык был в загоне, был ничтожно слабым, причём в ситуации большинства. Не язык меньшинств, а язык большинства. Исторический опыт и технологии вам докажут со стопроцентностью закона Ома: если вы не поставите язык меньшинства, то он угасает, умирает. Вы сейчас знаете, на каком языке говорят филиппинцы? Никто не помнит филиппинского языка. Сначала у них был испанский, потом стал английский, собственный язык давным-давно невосстановим ни при каких условиях. Но таких случаев много. Кстати, на Филиппинах народу больше, чем в России.

М.Е. Трофимов: Чуть-чуть меньше. По плотности населения...

Э.А. Паин: Насколько я помню, больше 145 миллионов... Не важно, это вполне сопоставимая страна

М.Е. Трофимов: По населению сопоставимая с Мексикой: около 100 миллионов...

Э.А. Паин: Это огромная страна, у которой нет собственного языка.

М.Е. Трофимов: Там несколько языков...

Э.А. Паин: Собственный язык там умер. Язык, который мог бы стать профессиональным, был умерщвлён языком меньшинства пришлых людей. В этом смысле во многих постколониальных странах правильно ставили задачу создания политических условий для возникновения языка. Я изучал эту ситуацию на Украине. Возрождение языка там шло чрезвычайно быстро потому, что были созданы определённые социально-политические условия. Едва профессионалов-учёных заставили выступать на конференциях на своем национальном языке, он стал возрождаться буквально не по дням, а по часам. В моем родном городе Киеве украинский язык считался позором. Я потомственный киевлянин. Когда мы были молодыми, однажды к нам пришёл приятель вместе с красивой девушкой. И спрашивает: можно, я с нею приду на тусовку? Приходи, о чем разговор? «Ты знаешь, она чертиха».

В.П. Макаренко: Кто-кто?

Э.А. Паин: Мы, жители Киева, говорившие по-русски, называли чертихами деревенских, говоривших по-украински. Украинский язык был презираемым языком. В таких условиях он умер бы, как умирал казахский. Кстати, сейчас об этом никто не говорит, но в Казахстане на русском языке говорили больше, чем в Украине. Там происходили схожие процессы. Их надо учитывать при оценке суждений по поводу «защиты русских» и «пользы» от вторжения России в Крым. Что происходит сегодня в Казахстане? Чтобы не допустить такой возможности на северных казахских территориях...

М.Е. Трофимов: Столицу перенесли...

Э.А. Паин: Столицу давно уже перенесли, я говорю о непосредственных следствиях. Назарбаев и население перенёс, потому что это был умирающий город, а сегодня он растёт впервые за многие годы. Это отдельная тема. Я писал об этом вместе с Аузаном. Это большой эксперимент Назарбаева, чрезвычайно интересное явление. Они заселяют Казахстан казахами из Китая. Китай не допустит, чтобы у него отобрали даже пядь, поэтому Казахстан ему сейчас роднее Украины и России вместе взятых. Казахстан вместе с Китаем сегодня быстро и мощно заселяют исторически русские территории. Никакого Крыма там не предвидится. Русским в Крыму был только город Севастополь. Ни одного русского за его пределами не было, всё остальное было крымско-татарским. К концу XIX века появилась Ялта с первыми русскими поселенцами, всё остальное было крымско-татарской территорией. А в Казахстане южный Урал — это классическая русская территория, это просто материковая Россия. Сегодня туда активно переселяют казахов из перенаселённых южных территорий. Несмотря на гигантские перемены климата, этот проект Назарбаеву удастся. Я в этом несколько не сомневаюсь, потому что он Семипалатинск превратил в казахский город и не поморщился, а там требовалось куда больше населения. До Целинограда он назывался Семипалатинском, потом стал Целиноградом, затем Акмолинском, теперь это Акмола. Так что Казахстан вместе с Китаем будет защищаться даже от возможности Крымского сценария, попутно с вытеснением русских.

Теперь насчёт Украины. Ни одна страна просто так, за здорово живёшь территории не отдаёт. Таких дураков я не знаю. Чтобы с больной головы, с бодуна взять и отдать территорию? Так не бывает. Такого в истории не было и быть не может. А чтобы начался процесс передачи, нужно, чтобы пришёл покупатель и предлагал. Если украинские националисты плохие, а мы разумные, цивилизованные, богатые, нефтью перекаченные, то придите, предложите условия, будем торговаться. Никто ж не предлагал. Короче, можно сказать, что никакой вины Украины тут нет.

Теперь насчёт пользы войны. В жизни природы и общества никогда и ни при каких условиях не бывает явлений только позитивных или только негативных. Значит, от войны есть и польза. Польза от ситуации та, что Россия пугает: сейчас на Украине придёт к власти правый сектор. Но правый сектор на Украине первым провозгласил: пусть идут ко всем чертям, они мешают нашему украинскому национальному развитию. Теперь правый сектор говорит: долой Донбасс. Вот как русские националисты говорят: «Долой Кавказ!», так украинские говорят: «Долой Донбасс!». И это рано или поздно придёт. Вполне может быть, что сам Донбасс рано или поздно не захочет остаться в Украине.

В.П. Макаренко: На Украине существует Центр Пинчука — аналог нашего Левада-Центра. Недавно он провёл социологическое исследование, результаты которого опубликованы в газете «Зеркало недели». Социологический опрос показал, что примерно 60–70% населения нынешней Донецкой и Луганской области хотят остаться в Украине.

Э.А. Паин: Это не исключено, но я не верю ни в какую социологию в ходе войны.

В.П. Макаренко: Я тоже...

Э.А. Паин: Какая социология в ходе войны?! Мне показывают данные социологических исследований из Чечни. Я их даже в руки не возьму, потому что для меня это пустое место. Зато факты этнографические очевидны. За пределами Крыма на Украине ни одной административно-территориальной единицы, в которой бы преобладали русские, не осталось. На Донбассе украинцев 60%, в Днепропетровской и Николаевской областях 70%, дальше — больше. Уже по этому фактору и при нынешнем росте украинского самосознания вопрос о том, кому бы они хотели принадлежать, не очевиден.

Из зала: Нет, есть разные факты. Одни воевали с немцами, а западные были вроде как вместе с немцами. Это разные украинцы.

Э.А. Паин: Я про этнографию говорю, а всё остальное очень быстро меняется. Назвать правый сектор бандеровцами — очевидная глупость. Бандера при немцах сидел в концлагере. Всё довольно быстро меняется. В 1939-м году подавляющее количество западных украинцев действительно хотело войти в состав СССР. В отличие от прибалтийцев было желание воссоединиться с Украиной. Прибалтику просто присоединили к России. А Западную Украину присоединили к Украине. И основные силы и идеи, которые формировали новую Украину со времён Ивана Франко, были именно там. Да что там Иван Франко! И Грушевский там был. Всё было сосредоточено в западной части, в Галиции. Они в принципе были заинтересованы в соединении с материковой Украиной. Но прошло всего два года советской власти на западной Украине, и они перестали быть заинтересованы. Здесь им есть много чего вспомнить.

В.П. Макаренко: Кстати, Иван Франко был сильным москвофилом. Там целая партия существовала москвофилов. Но после того, как русские войска заняли Львов и показали себя в поведении с местным населением, он написал, что входить в состав Российской империи не надо.

Э.А. Паин: Вот вам ещё пример. Потом всё то же самое повторилось в 1939-м, потому что многие из тех, кто ждал воссоединения, дождался его в Сибири. Всё довольно быстро меняется, настроения переменчивы. Итак, ситуация с Крымом уникальна на Украине, в этом я абсолютно уверен. Другие территории едины по демографическому и психологическому составу. Короче, если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Кому Крым достанется в подарок, тот в этой ситуации и проиграет. Поэтому не буду говорить, кому я желаю, чтобы достался этот кусок великолепной территории.

М.Е. Трофимов: В вашем выступлении прозвучали такие термины как «язык большинства» и «историческая Россия» применительно к северному Казахстану. При этом «язык большинства» прозвучал в отношении к ситуации, в которой люди относят себя к определённому этносу, на языке которого они не разговаривают, а разговаривают на языке других. Но в украинской ситуации человек идентифицирует себя как украинец...

Э.А. Паин: Но есть понятие титульной нации...

М.Е. Трофимов: Понятие титульная нация говорит как раз о языке большинства. Вы правильно сказали, что украинский язык активно восстанавливался и внедрялся во все сферы. Но такая же ситуация наблюдалась в Северной Ирландии — там ирландский язык был практически мёртв. Другой момент — историческая Россия. Действительно, территории северного Казахстана в состав России вошли гораздо раньше, чем территории, которые сейчас входят в состав России. Я родом из Новороссийска. Это территория бывшей Черноморской губернии. Она была присоединена к Российской империи во второй половине XIX века, заселялась русскими с середины XIX века до середины XX века. То есть, это территория гораздо более новая и гораздо более свежая. При этом коренное население с этой территории исчезло. Любые националисты начинают прыгать вокруг территории. Идут рассуждения такого рода: это наша этническая территория и мы ляжем костями.

Э.А. Паин: Крым таковым не является!

М.Е. Трофимов: Я об этом и говорю. При этом с точки зрения националистов, в 100% случаев начисто игнорируется население этой территории, которое может быть совершенно другим. Это может приводить к жёстким конфликтам. Например, сербы считали Косово исторической территорией Сербии, а там было 85–90% албанцев. И всё! Ляжем костями! При этом сербы к албанцам относились так: вас здесь раньше не стояло, уходите. Это говорилось в отношении 85–90%. Такая ситуация была также в Азербайджане в отношении Карабаха — в ответ на известные движения в Армении. Такая ситуация может наблюдаться со стороны отдельных персонажей с Украины, которые представляют меньшинство. Были заявления такие: Крым будет наш или безлюдным. Теперь относительно языка большинства. В некоторых случаях радикального национализма представители народа, помнящие родной язык, перестают считать людьми представителей этого же народа, которые перешли на другой язык. Вы профессионально занимаетесь этой областью. Скажите объективно, с какого момента этническая территория становится нормальной, с какого момента язык и национальная идентификация становятся вдруг родными? Почему я спрашиваю? Потому что многие современные крупные народы получили свой нынешний язык путём языковой замены.

Э.А. Паин: Не многие, а все!

М.Е. Трофимов: Я согласен, практически все. Например, большая часть населения Турции и Азербайджана происходит от людей, которые не были носителями тюркских языков. А сегодня у них тюркский язык является официальным. И такая языковая замена происходила неоднократно. Возникает вопрос: с какого момента навязанный язык становится родным?

Э.А. Паин: Очень ясные вопросы. У меня есть курс, в котором я рассказываю, как меняется язык. Как кельтский язык становится французским. Как французы и англичане когда-то говорили на кельтском языке. У одних он сменился на романский, у других на германский. Между прочим, французы и англичане — близко родственные народы, но тренды развития у них были разные. Этногенезис наций — бесконечный, неостановимый и вечный процесс. Культурные процессы тоже вечные и неостановимые. И русский язык, который сегодня существует, совершенно отличается от того русского языка, который существовал тысячу лет назад. Сегодня вам легче понять английский, чем тот язык, на котором была написана «Повесть временных лет». Абсолютно вы не сможете её прочитать, это официальный предмет палеографии, которая изучает древние тексты. Этот процесс бесконечно меняется. Невозможно установить время, когда кончается одна и начинается другая языковая традиция. Потому что это происходит не у всех сразу. Сначала у элит, потом у широких слоёв, в крупных городах, потом в малых городах, и так далее. Границу провести нельзя. Мои учителя начинали курс этнографии с побасенки: если человек пойдёт по Земле и обойдёт её вокруг, то он никогда не сможет определить, где граница того, что кончился один и начался другой язык. Это просто физически невозможно сделать, потому что существует огромное количество переходных языковых практик.

В.Ю. Попов: Я хотел высказать несколько соображений, которые мне кажутся важными. СМИ заняли сугубо пропагандистскую позицию в освещении событий. Это сильно повлияло на нашу общественность. Она разделилась на тех, кто воспринимает эту пропаганду, и на тех, кто не может её принять даже с эстетической точки зрения. Люди знают и понимают, что ситуация совсем иная, а СМИ показывают её в другом свете. И каждый отдельный пункт, вокруг которого развивается пропаганда, заслуживает пристального профессионального внимания и разбора. Например, сегодняшние сторонники Майдана маркируются как бандеровцы. Почему используется термин, вытасченный из пыльного сундука советской пропаганды? Ведь хорошо известно, что после Первой мировой войны на территории Восточной Европы после распада Австро-Венгрии и изменения границ образовалось другое государство. Наверное, такого же итога ожидали некоторые политические деятели после Второй мировой войны. И они вполне могли надеяться на то, что появятся какие-то новые государства, в том числе независимая Украина. То есть, это нормально, потому что двадцать лет прошло с окончания Первой мировой войны, даже меньше...

Вопрос из зала: На основании чего они могли надеяться?

В.Ю. Попов: На основании того, что большая война могла привести к размытию границ. Если смотреть панорамно, то с исторической точки зрения Бандера и все националистические движения понятны. Понятно и другое. На территории оккупированной Украины, Белоруссии проживали целые семьи. При такой ситуации обычный человек не может партизанировать, не может уйти в лес, потому что у него дети. Детей в лес не увести. Мы знаем, что партизанские отряды — это были хорошо подготовленные военные спецы...

В.П. Макаренко: Не всегда...

В.Ю. Попов: Да, не всегда. Потому что местное население тоже вливалось в партизанские отряды. Но если большая семья, то выбора практически не было. У меня жена с Западной Белоруссии, она хорошо представляет как обстояло дело, по рассказам её деда — партизанского активиста и командира. С большой семьёй уйти в лес невозможно, потому что семья погибнет. Когда советская власть восстановилась на Западной Украине и в Западной Белоруссии, многие люди были репрессированы просто по факту проживания на оккупированной территории. Именно тогда советская власть использовала термин «бандеровцы» для того, чтобы вести идеологическую и военную борьбу с населением. А сейчас он неуместен, потому что люди используют портреты Бандеры, а это свидетельствует просто об их ограниченности в идеологическом и политическом плане. Здесь нужны обычные разъяснения, а не пропаганда. Ведь в советское время люди ходили на демонстрации с портретами Ленина. Но это не означало, что они хоть что-то знали из Ленина и жили по его заветам.

В.П. Макаренко: Ну, хорошо, что ты хочешь сказать? Какой тезис выдвигаешь?

В.Ю. Попов: Виктор Павлович, я ни с кем здесь не полемирую, потому что наши тезисы во многом совпадают. Я просто озвучиваю некоторые моменты, которые, как мне кажется, должны быть озвучены.

В.П. Макаренко: А зачем их озвучивать, если они и так известны?

В.Ю. Попов: Если бы остался Алексей Юрьевич, который занимает противоположную позицию, то они ему неизвестны...

В.П. Макаренко: Так он ушёл.

В.Ю. Попов: Возможно, известны, но он почему-то не хочет касаться этих вопросов. Теперь по Крыму. Я выдвигаю гипотезу, которую надо хорошо проверить. Там существовали российские спецслужбы, внешняя разведка и агентура. Они находились близко к администрации Крыма. Боялись и не хотели, чтобы новая киевская власть их сместила. И потому призывали на помощь Путина. Тот же самый Аксенов — выпускник военно-политической академии. Крым вообще был населён ветеранами спецслужб, военных заводов и тому подобной публикой. Им давали квартиры в привилегированном месте для проживания. Там была не

Украина и не Россия, а продолжал существовать Советский Союз, советское население с советским представлением о мире. Здесь надо обсуждать особенно много пунктов.

В. Козер. Виктор Павлович, я задавал первый вопрос по поводу глубокого следа украинских событий 2004–2005 года в современных событиях. Те события известны как «оранжевая революция». Наверное, на Украине всё-таки будет Запад и Восток. Я вижу только Восток, но вот этот отказ от подписания от ассоциации с Евросоюзом... Ничтожный с виду повод дал такую реакцию. Я это вижу как продолжение оранжевой революции, которая много изменила в национальном сознании Украины. Я думаю, что большого крена в сторону Востока не будет. Я это объясняю как недовольство населения тем, что Янукович не проводил необходимые реформы, как структурные в экономике, так и политические. Причём, я специально наблюдал, как Янукович рассматривал Путина как референтную фигуру, подражал ему во многом. Допустим, в России шли законы по ограничению Интернета и в Украине тоже. У меня возник вопрос: насколько опасным было такое ограничение, а также замедление в проведении необходимых реформ в России, хотя мы с Украиной — один и тот же Восток? Конечно, у нас более выносливый, сильный и волевой президент, но тем не менее на Украине ситуация схожа с российской.

Есть и отличия. На выборах 2010 года в Украине Янукович победил честно, там таких подтасовок, как в России, не было. Но интересна реакция России. Путин был премьер-министром, но одновременно ключевой фигурой в руководстве России. Путин перед этими выборами заключил газовое соглашение с Тимошенко. Причём, в отличие от событий в Ливии, по этому вопросу не было серьёзных разногласий в высшем руководстве России. Наши силовики тоже поддерживали эту линию. Медведев и Путин здесь выступали одним фронтом. Я делаю вывод, что в тот момент Путин был готов признать победу Тимошенко и вести с ней дела. А сейчас он к этому совершенно не готов, поскольку поведение Тимошенко ассоциируется с определённым политическим взглядом.

Владимир Борисович Пастухов опубликовал статью «Украинская революция и русская контрреволюция» в журнале «Полис». Я её несколько раз внимательно прочитал. Действительно, у нас есть русская контрреволюция — массовые протесты 2011–2012 годов привели к ужесточению режима. С другой стороны, возвращение Путина на волне некой дестабилизации в политике увеличило отчуждение в отношениях с Западом. Была достигнута договорённость с Януковичем, ему было обещано 15 миллиардов, прошла Олимпиада в Сочи — победа и триумф воли России. Мы вложили громадные деньги в Олимпиаду, получили имиджевые результаты и вдруг опять всё рухнуло.

Российская власть в совершенстве освоила имитационные технологии. События на Востоке Украины по форме напоминают Евромайдан, но они в малой степени являются стихийными. Лавров и Путин говорят, что киевские события были проплачены ЦРУ. А теперь и Россия так делает. По данным Службы безопасности Украины 22 апреля 2014 года примерно 100 офицеров ГРУ были направлены в Донецкую область для захвата зданий. По словам Наливайченко, ГРУ создавал свои сети на территории Украины два-три года, то есть, после событий 2010 года, когда к власти пришёл Янукович. По тем же данным в районе Славянска действуют около 30 групп российского спецназа, руководитель одной из них Игорь Стрелков, полковник спецназа. В мировых СМИ эта фамилия фигурирует. В Харькове 7 апреля 2014 года группа сепаратистов захватила Театр оперы и балета. Они подумали, что это мэрия и потребовали, чтобы к ним вышел мэр, а он не вышел. Российские войска в течение месяца сосредоточены на украинской границе на трех основных направлениях: в районе Белгорода группировка направлена на Харьков. Вторая группировка находится западнее Ростова-на-Дону, направлена на Донецк. Третья группировка — южнее. Общая численность около 40 тысяч человек. При этом 700 единиц боевой техники: танки, бронетранспортеры, установки залпового огня.

Э.А. Паин: Ну что вы читаете версию Интернет-данных! Нам с вами надо иметь в виду, что пропаганда всегда с двух сторон пропаганда.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, вы не обратили внимание на чрезвычайно важный аспект выступления Эмиля Абрамовича: когда он начал отвечать на вопросы, он сказал: Вначале я скажу о себе, как о профессионале, потом перейду на уровень пикейных жилетов. Он использовал иронию. А вы (*обращаясь к В. Козеру*) переводите разговор на уровень пикейных жилетов. Я завтра пойду, вытаску кучу информации из Интернета и буду её пересказывать. Что вы на это скажете?

Э.А. Паин: Это одна из точек зрения, а не истина в последней инстанции.

В. Козер: Это не было опровергнуто российскими властями, значит, не является пропагандой. Я хотел рассказать по данным разных источников разных стран.

В.П. Макаренко: Да не надо это всё пересказывать...

В.Ю. Попов: Виктор Павлович, конечно, вы знаете больше всех остальных...

В.П. Макаренко: Версии, сценарии... Я зашёл на сайт «Новости Украины», там выписаны все эти версии и сценарии. Зачем пересказывать общеизвестное...

В. Козер: Заканчиваю, не буду больше нервировать Виктора Павловича

В.П. Макаренко: Вот если бы вы обсудили достоинства и недостатки применения сценарного метода к описанию и прогнозированию событий в отношениях между Россией и Украиной, мы бы это с удовольствием прослушали. А зачем пересказывать то, что известно любому прохожему на улице?

Э.А. Паин: На круглом столе обычно поднимаются вопросы, вызывающие спор, особенно с теоретической позиции. Я принципиальный противник идеологизации и, тем более, политизации научных дискурсов. Мы с вами не являемся представителями какой-то партии. Я никогда не был членом какой-то партии, и вообще думаю, что помру беспартийным. Но это будет за пределами аудитории, а здесь у нас есть вопросы и проблемы политического, культурно-политического, социо-лингвистического характера. Нас интересуют факторы, условия, возможные следствия. Я думаю, что для интеллектуального клуба желательнее оперировать научной терминологией и научной тематикой, а превращаться в политический клуб смерти подобно. Это конец науки, а не только по причине существования цензуры или запрета на обсуждение тех или иных тем. Это я неоднократно наблюдал, когда можно политически заболтать, уничтожить любое научное дело. Поэтому я согласен с Виктором.

В.П. Макаренко: Я это уже сто раз говорил на наших различных встречах и ругался многократно.

М.Е. Трофимов: 11 мая Донецкая республика хочет провести референдум, но Киев не допустит того, что было в Крыму. Будет ли Россия переходить границу, чтобы защитить Донецкую республику?

Э.А. Паин: В теоретическом плане я могу сказать, что некорректно поставлено сравнение. Чтобы на Донбассе провели референдум, столь же честный и объективный, как в Крыму, Донбасс должен быть уже захвачен российскими войсками. А пока он не захвачен, поэтому вероятность проведения такого же честного референдума будет намного ниже. В Крыму референдум был честный и благородный, потому что там ясно был поставлен вопрос: вы за Россию или против Украины? На такой ясно поставленный вопрос крайне сложно дать уклончивый ответ. Так или иначе, что в лоб, что по лбу, всё равно получишь в одно и то же место. А на Донбассе ситуация принципиально иная, потому что захвачены здания, а не территория, не власть, не институты, не общество. Захвачены сооружения. Завхозу это важно, у него на балансе ключи, здание подожгут, замусорят, политику это до лампочки. Никакого референдума они провести не могут. Где они его будут проводить? В здании? На баррикаде? На горящих крышах? Не получится. Короче говоря, никакого референдума провести нельзя. До введения «зелёных человечков», чтобы обеспечить мир, порядок, спокойствие, провести референдум невозможно. Это я говорю без всяких шуток. Как можно провести референдум?

Где они его проведут? Кто будет участвовать? Кому раздадут вопросы? Может быть, с автоматами будут ходить? Тогда сразу пиши результат, не надо никакого референдума. Из Донбасса бежит народ с детьми, какой там может быть референдум? Технически его провести невозможно. Это будет референдум славянского Майдана, потому что даже в самом Славянске референдум уже не проведёшь. Поэтому не может быть референдума по определению.

В.П. Макаренко: Я это обозначал как тему: «электоральный процесс и война». Во время чеченской войны проводились выборы. Там эта тема была поставлена.

Э.А. Паин: Это другое, там могли провести выборы соответствующим образом, а здесь они невозможны.

М.Е. Трофимов: Вадим сказал, что в Крыму долго работали. У меня сложилось впечатление, что Эмиль Абрамович его разделяет, что структура, которая выпихивала украинцев, работала во многом не благодаря российским спецслужбам, а исключительно на своих местных ресурсах. Тут во многом прежде всего инициатива местных жителей. То есть, ситуация была больше похожа на начало и развитие процесса в Карабахе. Там процесс зародился среди местной интеллигенции, местных людей. Россия на это дело смотрела примерно с таким же ужасом, как на Приднестровье, не зная, что делать с активистами. Потом прозвучало насчёт бандеровцев. Дескать, Бандера не такой уж плохой...

В.Ю. Попов: Ничего такого не было сказано!

М.Е. Трофимов: Нет, я скажу. Возникает большая проблема: во время Второй мировой войны действовало большое количество партизанских отрядов. Они действовали по-разному и никакого централизованного командования и никакой идеологии не было: одни успели повоевать за немцев, то есть были сначала в составе полицейских частей, а потом внезапно нарисовались, стали Красной армией и получили ордена.

В.Ю. Попов: Партизанские отряды воевали, чего никогда не показывали в советском кино.

М.Е. Трофимов: В этом отношении были разные ситуации.

Э.А. Паин: О чем вы сейчас хотите говорить?

М.Е. Трофимов: Мы хотим сказать вот что: прозвучавшее в выступлении В. Козера перечисление материалов СМИ напомнило несколько так называемую «Политику» господина Кургиняна и обсуждение, которое проводится в кургиняньских клубах. В. Козер говорил, что Россия очень похожа на США, имитирует во многих моментах поведение американцев. На мой взгляд, один из важных уроков украинской ситуации состоит в том, что на Украине СБУ использовалось для манипуляции политическим процессом, но в чем разница: на Украине СБУ контролируется в значительной части местными олигархами и значительно завязана на американцах. Российское ФСБ контролируется нашими олигархами и сильно завязано на политическую верхушку. У нас ситуация наоборот. Вот эта спецслужбистская кучка, которая активно вертит всякими, в том числе полуподпольными течениями. Когда в феврале месяце начали всплывать некие граждане, позиционирующие себя как политологи, и начали рассказывать, что они советовали Януковичу, то была такая идея: на Майдан вышли люди, которым крайне не нравится текущая украинская политика; вышли люди русскоязычные, вполне демократических взглядов, никакого националистического идиотизма; им просто надоела эта донецкая гульба и совершенно бандитские методы управления экономикой. Предлагалась гениальная идея: запустить через кураторов СБУ националистических идиотов и обесточить всё это.

В.П. Макаренко: Понятно. Можно обобщить цепь ваших высказываний как обсуждение конкретного теоретического и политического вопроса? Я его сейчас сформулирую: допустимо ли в демократическом государстве управление политическими событиями с помощью спецслужб и насколько? Какими явными и скрытыми от населения документами это регламентируется? Вот эту проблему и надо обсуждать. Мы её сейчас не обсуждаем, а лишь попутно затрагиваем. Можно перечислить механизмы явного и скрытого управления политиче-

скими событиями. Можно описать механизмы проведения спецопераций в период перестройки и после. В общем виде эта проблема поставлена Г. Дерлугьяном, но он делает существенную оговорку: это можно будет сделать после того, как будут опубликованы соответствующие документы советских и российских спецслужб. Есть и разнообразная военно-политическая литература, это рассказано...

В.Ю. Попов: Это вам известно!

В.П. Макаренко: Это мы здесь не обсуждаем. Но чтобы обсуждать тему, достаточно прочесть книгу Роберта Даля «Демократия и её критики». Там поставлен и детально обсуждается вопрос: когда и при каких необходимых и достаточных условиях для развития демократии надо поставить армию и спецслужбы под контроль явных гражданских и политических структур и институтов? Вот это реальная и острая с политической и теоретической точек зрения проблема.

Э.А. Паин: Да, это правильно. Есть функциональные и конституционные меры, с помощью которых вы можете обеспечить и контроль над спецслужбами, и исключить возможности манипуляции общественными настроениями. Но что я сейчас вижу в этом зале, а не вообще? Я вижу, что в зависимости от идеолого-политических установок одна и та же теория заговора то критикуется, то используется. Если о ком-то говорят, что они подкуплены ЦРУ, что они агенты МОССАДА, и так далее — это будет неправильно. Когда мы говорим, что события в Крыму были сделаны ГРУ, то мы воспроизводим ту же схему.

В.Ю. Попов: Нет, мы говорим о том, что у нас не будет вменяемого политологического анализа, если мы не учтём фактор влияния спецслужб на события.

В.П. Макаренко: Я же начал свой доклад с того, что надо использовать различные источники информации! Говорил о связи полицейской и пропагандистской деятельности. Сегодня мы наблюдаем её каждый день.

В.Ю. Попов: Всё дело в том, что так называемое «вскрытие», герменевтика идеологических маркеров зависит от того, кто и зачем их использует. Оно доступно не всем. Потому что существует иллюзия гносеологического единства людей, что они мыслят одинаково.

В.П. Макаренко: Эту иллюзию давно опровергла социология познания.

В.Ю. Попов: И всё-таки она существует, я даже скажу, что она проявляется на нашем круглом столе. Для чего он нужен? Чтобы каждый смог ещё и уточнить свою позицию, если она была неправильно понята. Я считаю, что во многом все позиции поняты так, как хотел выступающий. Вы допускаете, что исходя из своих аннотаций вы можете воспринять полученную информацию в данный момент несколько иначе, не так, как вам её представляют? Ведь мы допускаем, что можем понимать друг друга неверно, хотя на деле думать и оценивать ситуацию схожим образом. У нас сейчас возник непонятный конфликт за круглым столом, хотя остались люди со схожей позицией по всем этим событиям. И эти тонкости для меня как для исследователя наиболее интересны. Когда есть несогласия между примерно одинаково мыслящими людьми, то это для науки принципиально важно. Для какой-нибудь партии или политической программы такие разногласия смерти подобны, а здесь они должны стать объектом рассмотрения.

Э.А. Паин: Если люди, сидящие в конце стола, имеют общие позиции, то надо учитывать, что один из них географ, другой бизнесмен-экономист, третий политолог и т. д. Действительно, эта тема была обозначена, но не обсуждена. Хотя различие подходов уже проявилось. Один говорит: дело не в СБУ, может, они бежали по тем же причинам, по которым бежали из Карабаха. И я должен сказать, что мне ближе эта точка зрения, потому что я не философ-концептуалист. Я могу сказать, что ни СБУ, ни ФСБ не могут руководить процессами, которые практически всегда происходят, например, демографическим перераспределением населения. Эти примеры можно умножить. Поэтому тезис «Дайте нам на час источники информации — и мы перевернём мир» является глубочайшим заблуждением.

В.П. Макаренко: Я сегодня утром прочёл в «Русской планете» статью С. Простакова о параллелях между генезисом Крымской войны 1853–1856 годов и ситуацией в сегодняшней России. Эмиль Абрамович сказал, что между данными ситуациями есть ряд элементов сходства. Возникает методологическая проблема: насколько оправданы исторические параллели и аналогии? Но мы сейчас не готовы обсуждать эту тему. Хотя параллели, безусловно, есть. Факт поражения России в Крымской войне привёл к реформе 1861 года. Она дала толчок процессам, которые сегодня оцениваются высоко...

Э.А. Паин: За несколько лет после Крымской войны Россия прошла тот путь, который разделял Россию и Европу тысячу лет.

В.П. Макаренко: Да, но не является ли такая оценка типичным преувеличением данного факта? Едва мы говорим «тысячелетний процесс», возникает вопрос: почему Россия отменила крепостное право только в 1861 году, когда оно уже было отменено в Европе? Какие проблемы создало это запоздавшее решение и для России, и для самой системы сравнения? Для ответа требуется конкретное историко-сравнительное исследование общего процесса отмены рабства и крепостничества во всех странах мира. В этом процессе решение Александра II является простым заимствованием того, что уже имело место в других странах. С этой точки он не был освободителем, а политической обезьяной и попугаем. Все идеи списал у М.М. Сперанского. В своих книгах я показал, что эпитонство — существенный признак поведения и мышления политической бюрократии. В любом случае, история России не является критерием для оценок. Но нельзя отрицать того, что Крымская война дала толчок определенным процессам. Я об этом уже писал и не раз говорил, сейчас просто повторю.

В середине XIX века Россия бесславно проиграла Крымскую войну. В 1905 году громадная Российская империя бесславно проиграла войну Японии — маленькому островному государству. В 1918 г. Россия проиграла Первую мировую войну. В польско-советской войне 1920 г. советская власть впервые использовала национальный фактор, но опять же проиграла ключевую битву под Варшавой. Наша доблестная Первая конная армия была разгромлена. В 1921 г. был подписан Рижский трактат, по которому Западная Украина и Белоруссия отошли к Польше. Если просчитать относительные безвозвратные потери во время советско-финской войны 1939–1940 гг., то СССР тоже проиграл эту войну. Холодная война тоже была проиграна. Короче говоря, за 150 лет Россия проиграла ряд сражений и войн небольшим государствам, несмотря на полную смену политического строя в 1917 г. В чем причины этого процесса? С этой точки зрения не является ли захват Крыма историко-политической ностальгией по временам Екатерины II — то есть, разновидностью политического эпитонства, отбрасывающего страну на двести с лишним лет назад? Надо дать ответ на эти вопросы.

Дальше. Если судить по книжному рынку, то после 2000 года в России происходит реабилитация войны. Войне всё более приписываются некие «вечные» антропологические характеристики. Тогда как социально-исторические и политические отодвигаются в тень. Но в результате не только снимается ответственность с виновников войн и инициаторов спецопераций. Даже простое осуждение войны как источника человеческого горя и страданий затушёвываётся. Советско-германская война рассматривается не как трагедия десятков миллионов людей, а как источник легитимизации нынешнего политического режима и его главных институтов. С когнитивной стороны можно обсудить также книгу ван Кревельда «Трансформация войны». Я обратил внимание, что книга академика Тишкова о первой российско-чеченской войне тоже, в основном, построена на антропологическом материале...

Э.А. Паин: Она и сделана по образцу книги ван Кревельда.

В.П. Макаренко: Для Тишкова полевые антропологические исследования являются критерием истины. В то же время из этой книги я узнал, что по сравнению со всеми другими советскими республиками, Чечено-Ингушетия была наиболее нашпигована агентами спецслужб, но ситуацию развязывания войны они упустили из-под контроля. Вот конкретная научная и политическая проблема, которую мы можем обсуждать. Могут ли быть полевые ис-

следования и методы интервью критериями политической истины? Профессор Паин тоже поставил конкретную проблему: какова адекватность социологических исследований в состоянии войны? Ещё здесь ставилась проблема двуязычия в Украине. Возникает вопрос: насколько язык тождествен факту политического существования этноса или государства? Для меня этой проблемы не существует. С момента рождения до 13 лет я жил на Украине, рос в двуязычной среде. Русский и украинский язык использовались одновременно как совершенно не конфликтующие, а взаимодополняющие. Рядом жили польские семьи. Никаких языковых проблем не существовало.

Но социальные и политические проблемы накапливались. В «Истории моего современника» Владимира Галактионовича Короленко описаны типы российского чиновника, польского шляхтича и украинских предшественников Петлюры. Эмиль Абрамович прекрасно знает, что в начале XX века поляки были ведущим культурным сообществом в Киеве. Одновременно там начали возникать газеты типа «Киевлянина» и идеологи типа Шульгина. В этой среде вырастал В.Г. Короленко. И что же он говорит, какое кредо формулирует в результате описания истории становления себя как человека сознательного? Он говорит: моя родина — русская литература. То есть, родины как некой привязки к месту, языку и идейно-политическим течениям русофильства, полонофильства и украинофильства для него не существует. Потому что он одновременно знал русский, украинский и польский язык и литературу. Я это тоже знаю. И мне смешно, когда я сегодня вижу превращение языка в территориальную и политическую проблему. Значит, настаивающие на ней хотят извлечь какие-то дивиденды, что само себе подозрительно. Проблема в следующем: к каким политическим (положительным или отрицательным) последствиям приводит связь языка с территорией? Если мы опишем эту цепь последствий, она может составить предмет рефлексии.

Эмиль Абрамович поставил также проблему использования этнического фактора в принятии решений: там русских бьют, а мы введём армию в Крым. Когда я был студентом и аспирантом, тогда отношения между СССР и Китаем были недружественными. Наши пропагандисты говорили, что Китай использует хуацяо (этнических китайцев) для продвижения своих имперских целей во Вьетнаме и других сопредельных государствах. Сегодня аналогичную аргументацию мы слышим от президента, подпевающих ему «думаков» (так мой бывший студент называл нынешних членов Думы) и членов Сената. До каких же пор будут использоваться эти застарелые стратегии? И почему бы СМИ не показывать, что по этим путям ходить просто нельзя, потому что они ведут к обострению конфликта?

В книге Тимоти Снайдера «Преобразование наций» показано, что за четыреста лет то, что раньше считалось польской, украинской, литовской и белорусской нацией изменилось неузнаваемо. Эмиль Абрамович тоже показал, что никаких вечных свойств нации не существует. На этом фоне сравнительное описание истории русской нации было бы полезно в целях сопоставления сравнительной истории с политической компаративистикой. Я уж не буду говорить о двойственной и тройственной идентичности жителей пограничных территорий. В книгах о советских и прочих шпионах постоянно наталкиваешься на факт: многие известные шпионы выросли на пограничье, из-за чего разговор об их идентичности теряет смысл. Какова идентичность шпиона, если он говорит на нескольких языках? «Не думать о мгновеньях свысока»? А в постсоветских государствах сказки об идентичности становятся всё более популярными. Историки нашего университета собираются осенью обсуждать эту сказку.

Вот лишь малый блок реальных проблем, а не политическая перепалка.

Э.А. Паин: Мы с тобой всё перепутали и не так поняли...

М.Е. Трофимов: Я часто сталкивался с особенностью восприятия людьми карты. Часто идут рассуждения одного типа: как большая Россия проиграла маленькой стране? Карта — это не территория. Размер страны имеет малое значение к тому, что она представляет. На момент войны с Российской империей маленькая Япония была размером примерно в четыре Ростовских области, около 400 тысяч кв. километров, население Японии было в три раза мень-

ше. Но при этом больше, чем во всей российской Сибири и на Дальнем Востоке в десять раз. В России об этом вечно забывают. То есть, в России население очень маленькое. В разговорах о Великой Отечественной войне часто идут рассуждения: мы победили немцев, потому что Германия маленькая, меньше одного миллиона квадратных километров. При этом забывается, что на территории Рейха проживало 90 миллионов человек, всего в 2 раза меньше, чем на территории Советского Союза, а на территории, оккупированной Рейхом, проживало около 150 миллионов. При этом в середине войны, когда немцы дошли до Сталинграда, они контролировали территорию Советского Союза, на которой проживало 110 миллионов человек. Я не могу понять, как то поколение выиграло войну, когда две трети населения оказалось на территории, контролируемой врагом.

В.П. Макаренко: Максим зацепил хорошую тему. Недавно вышла книжка под редакцией Андрея Зубова об оккупации. Там впервые собраны тексты авторов, которые проживали на различных оккупированных территориях, начиная от Пскова и заканчивая Кубанью. Собранные материалы, до сих пор не опубликованные, архивные источники и воспоминания очевидцев. Интересно будет на основе этих новых материалов обсудить поставленную Максимом тему. В этой книге поставлены моральные и политические дилеммы жителей оккупированных территорий.

М.Е. Трофимов: У вас прозвучало: по относительным затратам проиграли. Такие проблемы часто возникают, когда представители общественных наук (за исключением историков) начинают сравнивать войны и другие конфликты по потерям. Но здесь ситуация как в боксе: человек, который пропускает больше ударов, проигрывает раунд за раундом, а в конце выигрывает нокаутом — выигрывает, независимо от понесённых затрат.

В.П. Макаренко: Спасибо за уточнение. Существуют разные методики измерения невосполнимых потерь. Например, редакция «Военно-исторического журнала» использует одну, а демографы используют другую. Значит, они применяют разные критерии и цели таких измерений. Аналогия с боксом не годится, потому что во всех предшествующих «раундах войны» людей убивают, а не просто бьют по морде. Каждый погибший — невосполнимая потеря.

Т.А. Марченко: Уважаемые коллеги, я не интересуюсь политикой и ничего в ней не соображаю, но хочу сказать следующее: в России давно существуют две группы людей, находящихся в плену неосознанных коллективных представлений — проевропейских или пророссийских. Кто из них прав, кто не прав, — неясно. Но что меня не устраивает как любознательного человека, пытающегося разобраться в ситуации? В этой дискуссии я не увидела ни экономического анализа, ни анализа социального состава и социальных ориентаций Майдана. Нет фактологии. Те подходы, которые я здесь услышала, не основаны на фактах. В них преобладают явные или замаскированные идеологемы над качественным анализом фактов. Не только Вадим Попов говорит: «Мне кажется...». У всех не хватает научного анализа. Я прочла книгу Г. Дерлугьяна «Мир, в котором мы живём». Мне было интересно читать, потому что я в этом ничего не понимаю. Но он пишет, что оккупаются даже 240 миллиардов долларов, вложенных в организацию «оранжевой революции». Происходит движение денег в мировом контексте. Наши гуманитарии в деньгах и финансах ничего не понимают, и поэтому исследования по данным вопросам лишены исследования мотивации. Мне лично интересно, почему на Майдане были такие богатые знамёна, а в Донецке жалкие лозунги на листах ватмана? Какова социальная сеть? Поэтому сегодня было интересно лишь в плане появления новых вопросов. Пока я света не вижу, но, может быть, он зажжётся в конце тоннеля?

В.П. Макаренко: На этой оптимистической ноте закончим дискуссию.